

LITERATUROZNAWSTWO. HISTORIA

Ludmiła Łucewicz
Uniwersytet Warszawski

**КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ:
АВТОРЕЦЕПЦИЯ И/ИЛИ „АВТОПИАР”?**

Konstantin Leontiev: Autoreception and/or “AutoPR”?

ABSTRACT: The author of the article pays attention to that in forming of literary reputation act part “stranger” judgements and estimations and also “autoreception”. Konstantin Leontiev, being an extraordinarily ambitious author, consciously formed the literary reputation not only in autobiographic but also in artistic texts, correlated protagonists with own personality. In autobiographic works he aimed from one side, to present the “stranger” positive estimations (Ivan Turgenev, Mikhail Katkov, Evgenya Tur, Stepan Dudyshkin) of the personality and creation work and to hold back about descriptions negative, and on the other hand to come forward as an autocommentator and interpret of own compositions. As a result a writer succeeded in autobiographic texts to create about itself legend, that his biographers use to present tense.

KEYWORDS: autobiographic, autoreception, artistic texts, compositions, Leontiev, legend

В формировании литературной репутации играют роль не только „чужие” суждения и оценки, но и „авторецепция”, под которой обычно понимается восприятие писателем своих произведений, выраженное в их истолковании, комментировании, оценках, пропаганде и проч., то есть различные способы самоосмысления. Авторецепция объективируется на письме по-разному, в зависимости от того, в какой функции мыслит себя реципиент. Он может выступать как художник, воспроизводя историю создания своего произведения

и восприятия его современниками (как это сделал, например, Достоевский, описав свой первый прозаический опыт в романе *Униженные и оскорбленные*); или как литературный критик, то есть быть авторецензентом (так поступали, например, Гончаров, Тургенев, Толстой, объясняясь с современниками), или создатель разного рода эго-документов, например, дневников, мемуаров, исповедей, писем (здесь важна фигура адресата), где растолковывает и интерпретирует свое творчество, адресуясь зачастую не только к современникам, но и к потомкам¹. В статье рассматриваются попытки Константина Леонтьева, направленные на привлечение внимания к суждениям о нем и о его художественном творчестве, которые были высказаны известными литераторами (Иван Тургенев, Михаил Катков, Евгения Тур, Степан Дудышкин и др.) и актуализированы самим писателем в различных автобиографических текстах².

Литературная судьба Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), как отмечал сто лет назад его горячий почитатель Анатолий Александров³, „своеобразна и трагична”, поскольку „большая публика, широкие круги читателей – не знали его при жизни”⁴. Философско-публицистическое наследие писателя привлекло самое пристальное внимание крупнейших русских религиозных философов сразу после его смерти⁵, а его художественное творчество продолжало оставаться в глубокой тени. В целом ситуация не изменилась и до сегодняшнего дня. Философско-публицистические и литературно-критические труды получили широкое признание в постперестроечной России у той части российской интеллектуальной элиты, которая активизировала изучение консервативной идеологии, об этом свидетельствуют многочисленные публикации – статьи, монографии, биографические и научно-популярные

¹ См. об этом: Л.Ф. Луцевич, *Авторецепция как попытка формирования литературной репутации в „Авторской исповеди” Николая Гоголя*, [в:] *Творчество Гоголя и русская общественная мысль. XIII Гоголевские чтения*, общ. ред. В.П. Викуловой. Москва, Новосибирский издательский дом, 2013, с. 177–178.

² Изучены в первую очередь такие сочинения писателя, как *Моя литературная судьба; Моя исповедь; Тургенев в Москве. 1851–1861; Для биографии К.Н. Леонтьева; Где разыскать мои сочинения после моей смерти; Список сочинений К. Леонтьева с характеристикой; Хронология моей жизни; Духовное завещание Константина Леонтьева; Мои посмертные желания*.

³ Анатолий Александрович Александров (9.04.1861–1930) – педагог, поэт и журналист, редактор журнала „Русское обозрение”, общественный деятель; младший друг и корреспондент Леонтьева.

⁴ А. Александров, *И. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову*, с предисловием и примечаниями А.А. Александрова. Сергиев посад, Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1915, с. VI.

⁵ О нем писали, в частности, Владимир Соловьев, Дмитрий Мережковский, Василий Розанов, Семен Франк, Сергей Трубецкой, Николай Бердяев, Василий Зенковский и др.

книги⁶. Но беллетристика Леонтьева по-прежнему практически не известна даже специалистам, во всяком случае пока она никак не учитывается при рассмотрении историко-литературного процесса второй половины XIX в. Хотя рассказы, повести, романы Леонтьева, созданные в духе русского реализма своего времени, обладают „мыслительной” и эстетической самобытностью. Все художественные произведения писателя, известные к настоящему времени, переизданы в рамках предпринятого с 2000 г. издания первого *Полного собрания сочинений и писем* Леонтьева в 12 тт.⁷, следовательно, вполне доступны для изучения и осмысления.

Напомню, что начало литературной деятельности молодого автора было многообещающим. В 1850 г., будучи студентом второго курса медицинского факультета Московского университета, он начал писать сразу три художественных произведения: пьесу, роман и поэму. А весной 1851 г. уже отправился к Ивану Тургеневу со своей первой, еще не законченной комедией *Женитьба по любви* за советом: писать или не писать далее. Пьеса Тургеневу понравилась: „Ваша комедия произведение болезненное, но очень хорошее; – особенно для вашего возраста это очень много. – Видно, что вы не подражаете ничему, а пишете прямо от себя” (6, 1, 38). Высокая оценка определялась учетом молодости начинающего автора (20 лет), а также его самостоятельностью в развитии темы и обрисовке характеров. Чуть позже Леонтьев отослал Тур-

⁶ См., например: А. А. Корольков, *Пророчества Константина Леонтьева*. С.-Петербург, Издательство С.-Петербургского университета, 1991; А.Ф. Сивак: *Константин Леонтьев*. С.-Петербург, Издательство Ленинградского университета, 1991; К. Н. Леонтьев: *pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. Антология: в 2 кн.*, сост. А.А. Корольков и др. С.-Петербург, Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1995; К.М. Долгов, *Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева*. Москва, «Луч», 1997; Д.М. Володихин, *“Высокомерный странник”. Философия и жизнь Константина Леонтьева*. Москва, ЗАО Мануфактура, 2000; Marian Broda, *Najtrudniejsze z rosyjskich wyzwań? Zagadka Leontjewa i Rosja*, Łódź, Wydawn. Naukowe „Ibidem”, 1995; Мариан Брода, *Проблемы с Леонтьевым*, пер. с польск. М. Гульчин, В. Радолинська, MOSKWA МАКС Пресс, 2001; Marian Broda, *Historia a eschatologia: studia nad myślą Konstantego Leontjewa i „zagadka Rosji”*. Łódź, Wydawn. Uniwersytetu Łódzkiego, 2001; С.В. Хатунцев, *Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг.* С.-Петербург, Алетейя 2007; О.Л. Фетисенко, *Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века)*. С.-Петербург, Пушкинский Дом, 2012; О.Д. Волкоглонова, *Константин Леонтьев*. Москва, Молодая гвардия, 2013; Д.Е. Муза, *Константин Николаевич Леонтьев: Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории*, изд. 2-е, испр. Москва, Ленанд, 2015.

⁷ К.Н. Леонтьев, *Полное собрание сочинений и писем в 12 т.* Т. 1–9. С.-Петербург, Издательство „Владимир Даль”, 2000–2014. В дальнейшем произведения Леонтьева цитируются по этому изданию с указанием номера тома, книги (если есть), страницы в тексте статьи в скобках.

генеу для прочтения фрагмент романа *Булавинский завод* (не сохранился), оцененный писателем еще выше: „У вас большой талант” (6, 1, 40). Вместе с романым фрагментом Тургеневу был отправлен и „один отрывок стихотворный – начало небольшой поэмы” (6, 1, 708–709). Стихи писатель воспринял более критично. К своему письму от 12 июня 1852 г. он даже приложил „таблицу всех чисто метрических ошибок”, отметив, что сочинитель „до сих пор не имел точного понятия о гекзаметре”. Но сразу же поспешил успокоить самолюбивого адресата: „это не должно Вас опечалить; Вы владеете языком, выраженья Ваши живы и счастливы – овладеть размером Вам будет очень легко” (6, 1, 710–711). У начинающего автора от знакомства, встреч, оценок Тургенева „голова пошла кругом”, он „возвышался” в собственных глазах и уже был абсолютно „уверен в себе и в своей блестящей звезде” (6, 1, 41); из души его „каким-то неудержимым ключом и почти вдруг стало бить литературное вдохновение!” (6, 1, 709). В своих воспоминаниях Леонтьев не только концентрируется на самоощущениях, он приводит свидетельства буквально восторженного отношения литераторов, якобы переданные ему через Тургенева: „Краевский и Дудышкин с радостью” взяли комедию; „Дудышкин дивился ... таланту” и „верить не хотел, что ему (Леонтьеву – Л.Л.) только 21 год” (6, 1, 41). И сам Тургенев постоянно слал „самые лестные письма”, да еще и выступал, согласно мемуаристу, чуть ли не в роли курьера (в тексте встречается: „он *повез* (здесь и далее выделено мной – Л.Л.) мою рукопись в Петербург”; „*привез* мне корректурные листы” (6, 1, 41); „опять *повез* в Петербург” (6, 1, 46). В действительности никаких „перевозок” не было, Тургенев, как видно из его писем, не *возил*, а, как обычно, отправлял рукописи почтой, но амбициозный автор, заменив в воспоминании только один глагол, дополнительно как бы „приподнял” оценку собственной персоны. Хотя Тургенев реально принимал самое деятельное участие в его судьбе, искренне видя в Леонтьеве литературный талант: в начале 1853 г. он пишет об этом Павлу Анненкову⁸ и следом отсылает Андрею Краевскому в „Отечественные записки” новую повесть *Немцы*⁹, предрекая успех. Вместе с тем автор *Записок*

⁸ И.С. Тургенев П.В. Анненкову от 10 (22) января 1853 г., *Спасское*: „У меня гостил несколько дней Леонтьев, автор той комедии (*Женитьба по любви* – Л.Л.), которую я – помните ли Вы – давал Вам читать в Петербурге. Он привез хорошую вещь, которую я на днях отправляю к Краевскому; другую он готовит для „Современника” (повесть *Лето на хуторе* – Л.Л.). Талант у него есть”, [в:] И.С. Тургенев. *Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 18 т.* Изд. 2-е, второе, испр. и доп. Москва: Наука, 1982, т. 2. Письма 1850–1854. http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0820.shtml (16.09.2016)

⁹ И.С. Тургенев А.А. Краевскому 11 (23) января 1853 г., *Спасское*: „Спешу уведомить Вас, любезный Краевский, что у меня был на днях Леонтьев (автор известной Вам комедии) и оставил мне премилую вещь, которую, как только здесь переписут – Вы получите. Я ее не отправил к Вам в авторской рукописи, потому что ее бы сам чёт не разобрал. Это довольно большая

охотника заметил у начинающего писателя не только талант, но и не самые привлекательные человеческие черты, поэтому, наряду с похвалой, в письме к Анненкову есть и характеристика иного рода: „сам он (Леонтьев – Л.Л.) весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и исковерканный. В сладострастном упоении самим собою, в благоговении перед своим «даром», как он сам выражается ... Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девчонка”¹⁰. Однако, несмотря на это, Тургенев деятельно покровительствовал молодому автору, ввёл его в московский литературный салон графини Елизаветы Салиас-де-Турнемир (писавшей под псевдонимом Евгения Тур), где „дрянной мальчишка” познакомился с литераторами, учеными, издателями: Петром Кудрявцевым, Тимофеем Грановским, Михаилом Катковым, Павлом Леонтьевым, Евгением Феокистовым, графиней Евдокией Ростопчиной, Николаем Щербиной, Василием Боткиным, Александром Сухово-Кобылиным и др. Впоследствии Леонтьев вспоминал о своем успехе в салоне графини Салиас таким образом: „после прочтения отрывка *Зимнее утро*... (вошел впоследствии в роман *Подлипки*) графиня воскликнула „Quel magnifique de genre!”¹¹, а далее заметила: „Лучший бы из русских поэтов не постыдился бы подписать под этим имя свое”. По словам Леонтьева, „Кудрявцев и Щербина тоже хвалили. – Феокистов всегда удивлялся ранней зрелости моих описаний” (6, 1, 47), „все продолжали меня хвалить и ободрять” (6, 1, 48).

Первым опубликованным произведением Леонтьева стала повесть *Благодарность* (в рукописи *Немцы*), которая появилась не в петербургских „Отечественных записках”, как предполагалось изначально, а в газете Каткова „Московские Ведомости” (№№ 6–10) в 1854 г. Анатолий Александров вспоминал рассказ Леонтьева о том, как Катков, усмотревший в Леонтьеве, по признанию последнего, „большую зрелость таланта” (6, 1, 54), после публикации *Благодарности* якобы „в знак особого поощрения и трогательной ласки, сам вынес ему первый литературный гонорар его в простом нитяном кошельке, наполненном золотом”¹². В автобиографической прозе Леонтьева дословно такого рассказа нет, но есть признание: „Феокистов заехал ко мне на Пречистенку по просьбе Каткова и высыпал (кажется) около 75 рублей на стол, говоря: «Михаил Никифорович извиняется, что мало. – Газета очень бедна и больше 3-х рублей за столбец не может давать. – Это цена Грановского»” (6, 1, 54).

повесть, совершенно ценсурная (одно заглавие, может быть, придется переменить – *Немцы*), и я надеюсь, что она произведет эффект”, там же (16.09.2016).

¹⁰ И.С. Тургенев П.В. Анненкову от 10 (22) января 1853 г., там же (16.09.2016).

¹¹ Какая великолепная картина! (фр).

¹² А. Александров, *И. Памяти К.Н. Леонтьева*, с. VI.

В письме к Николаю Страхову от 19 ноября 1870 г., вспоминая о начале своего творческого пути, Леонтьев писал так:

известности ...меня считали достойными *все* и Тургенев, и Катков, и Дудышкин, и Краевский, и Феоктистов и многие другие Московские и Петербургские писатели и ученые тогда, когда еще мне было 21–23 года... У меня еще борода не росла, когда М<ихаил> Никиф<орович> Катков (тогда еще скромный редактор скромных «Московских ведомостей», до 53 года) провожал меня домой и подавал мне сам шинель. Краевский писал мне: *стыдно Вам так долго ничего не присылать нам, и зарывать в землю Ваш дар Вы не имеете права*. Тургенев, сидя (в 52 или 53 году) у мад<ам> Евг. Тур вместе со мной, сказал при Феоктистове, при Корше, при [нрзб.] Кудрявцеве, что он истинно нового Слова ждет только от графа Толстого и от меня (6, 2, с. 276).

Конечно, тургеневское сравнение двух начинающих писателей – Леонтьева и Толстого, было необычайно лестным. Но Толстой в 1852 г. уже издал в „Современнике” *Детство*, имевшее большой успех у публики и критики, а Леонтьев пока ограничивался прочтением фрагментов и отрывков. Однако случилось так, что русская критика практически не реагировала на публикации активно протежируемого Тургеневым молодого автора – ни на первую, ни на последующие¹³. Вероятно, поэтому в своих автобиографических произведениях Леонтьев пытался выступать в качестве критика сам, подробно рассматривая сюжетную канву, пафос и характеры действующих лиц своих как опубликованных произведений, так и отдельных несостоявшихся замыслов. Любопытно отметить, что при этом он, как правило, особое внимание уделял проблеме автопрототипа, то есть вопросу соответствия/ несоответствия свойств и качеств героя и своих собственных черт характера. Так, например, разбирая образы протагонистов своей первой комедии *Женитьба по любви*, Леонтьев указывал:

Руднева и Киреева я создавал в одно и то же время. И тот и другой был я, и ни тот, ни другой не был мною. Если Киреев был богаче меня, был независимее и лучше моего поставлен в московском обществе, – Руднев зато был еще беднее, он нуждался в хлебе; он был сирота; у него не было, как у меня, прекрасного материнского прибежища – родного имения, красивого, тенистого нашего Кудинова! Киреев был здоров. Руднев был болен грудью, как я. Руднев

¹³ Только о романе *В своем краю* злой памфлет написал Михаил Салтыков-Щедрин, обвинив Леонтьева в подражательности Тургеневу, Толстому, Писемскому, Григоровичу. См.: *В своем краю. Роман в двух частях. К.Н. Леонтьева*. С.-Петербург, 1864. „Современник” 1864, N 10, отд. II, стр. 177–183.

был доктор, как я. Все свое малодушное, все свое слабое я придал Кирееву; все солидное, почтенное, серьезное, что во мне было, я вручил Рудневу. Я отдал Рудневу всегдашнюю серьезность и честность моей мысли, мою выдержку в занятиях (даже и в медицинских, которых я не любил), мою жажду знания, мое grubeln и осыпал его за то внешними невзгодами, как осыпан был ими я сам. Сверх того в Кирееве была моя дворянская, «светская», так сказать, сторона; в Рудневе – моя труженическая. Я сделал Рудневу любящим медицину, как полюбил бы, вероятно, ее и я, если бы мечты о службе искусству не охлаждали бы меня к ней (6, 1, 706–707).

Стремление автора к выявлению роли и значения собственной прототипичности в художественных текстах обусловило впоследствии повышенное внимание исследователей творчества писателя к этому вопросу. Все, писавшие о Леонтьеве, неизменно констатировали автобиографичность литературного наследия писателя. Так, русский поэт и американский историк общественной мысли Юрий Иваск (1907–1986) в одной из лучших до сегодняшнего дня биографий Леонтьева, написанной в Амхерсте (штат Массачусетс), подчеркивал: „Всю жизнь Леонтьев говорил преимущественно о себе, он супергерой собственных писаний, всей своей поэмы жизни”¹⁴. Российский философ Александр Корольков почти через двадцать лет отмечал то же самое: Леонтьев „рассказал о себе многое и в романах, и в повестях, и в письмах, и в записях, и в статьях”¹⁵. А автор новейшей биографии Леонтьева (2013) практически выстроил ее на автобиографических сочинениях писателя¹⁶.

В начальный период своей литературной деятельности (с 1854 по 1861 гг.) Леонтьев написал, как он указывал, немного: „1) *Лето на хуторе* ... оно ... заслуживало бы совершенного уничтожения; 2) Очерк из военного времени *Сутки в ауле БиюкДорте*; 3) Комедию в 4-х действиях *Трудные дни* и 4) *Второй брак*, довольно большую повесть; в 61-м – первый большой роман *Подлипки*” (6, 1, 57). Ранние произведения сам автор впоследствии оценивал невысоко, порой даже пренебрежительно, отмечая их подражательность, с одной стороны, на уровне идей – Белинскому и Жорж Санд, а с другой, на уровне стиля и метода – Тургеневу. Позже Леонтьев признавался в небескорыстности своих отношений с известным писателем:

¹⁴ Ю.П. Иваск, *К.Н. Леонтьев. Жизнь и творчество*, [в:] *К.Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г.* Антология: в 2 кн. С.-Петербург, Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1995, кн. 2, с. 229.

¹⁵ А.А. Корольков, *Пророчества Константина Леонтьева*, с. 6.

¹⁶ См.: О.Д. Волковонова, *Константин Леонтьев*.

восхищаясь Тургеневым всячески, признавая его авторитет настолько, насколько необходимо юноше признавать авторитет дарований и опыта в старших (чтобы не выйти самому надменным и грубым дураком), – я все-таки и тогда сознавал, что ишу в нем, до известной степени, и *внешней* силы, *внешней* для своих дел опоры, литературной протекции, ободрения, помощи, практических советов и т.д. (6, 1, 725).

В 1860 г. Леонтьев в качестве литературного критика опубликовал в „Отечественных записках” (№ 5) рецензию на роман *Накануне (Письмо провинциала к г. Тургеневу)*, осудив его за нехудожественность и схематизм. К этому времени автор *Благодарности* разочаровался в Тургеневе как художнике, культивирующем „грубо-реальные” описания (6, 1, 48). Отношения между писателями фактически прекратились.

К середине 60-х гг. Леонтьев, как ему казалось, наконец, обрел свой „голос” в русской прозе. В недалеком прошлом у него имелся богатый врачебный опыт Крымской войны, а в настоящем – удачно складывающаяся дипломатическая карьера. Разнообразные жизненные впечатления, пристальная наблюдательность, непрерывный самоанализ и рефлексия обусловили поворот к экзистенциальной проблематике: писателя занимают проблемы смысла жизни, любви, страдания, разочарования, смерти. Все это нашло выражение в повести *Исповедь мужа*¹⁷, которую он особо выделял в своем творчестве. В письме от 30 ноября 1864 г. к блистательному профессору-историку Константину Бестужеву-Рюмину (1829–1897) Леонтьев, будучи на тот момент консулом в Адрианополе, пишет: „С этой почтой пойдет в Петербург новая повесть *Исповедь мужа*. У Вас волосы встанут от ее безнравственности (а в душе будете сочувствовать, я ручаюсь, не фактам отдельным, а общему духу)”¹⁸. Тема, к которой обратился автор в своем новом произведении, в принципе не нова. Это вариация, как справедливо заметил Юрий Иваск, „жоржсандовской темы свободной любви”, которую в России впервые „обработал» Александр Дружинин в своей нашумевшей повести *Полинька Сакс* (1847). Позже ту же тему педантично «разработал» в своем романе-трактате Чернышевский¹⁹. Действительно, все три текста так или иначе сближает идея „жизни втроем”, но главный герой Леонтьева, что совершенно естественно, отличается от Константина Сакса и от Лопухова с Кирсановым, как и его ге-

¹⁷ Впервые опубликована в „Отечественных записках” 1867, т. CLXXIII, кн. 7, с. 219–272, под редакторским заглавием *Ай-Бурун*; это заглавие не понравилось автору.

¹⁸ К.Н. Леонтьев: *Избранные письма*, публ., предисл. и ком. Д. Соловьева, вст. ст. С. Носова. С.-Петербург, Пушкинский фонд, 1993, http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0700.shtml (16.09.2016).

¹⁹ Ю.П. Иваск: *К.Н. Леонтьев: Жизнь и творчество*, с. 325.

роиня Лиза отличается от Полиньки Сакс и Веры Павловны. Не останавливаясь сейчас на сравнительном анализе персонажей, отмечу только, что Леонтьев менее завуалированно, чем его предшественники, выразил позитивный взгляд на идею „жизни втроем”.

В основе сюжета леонтьевской *Исповеди* – любовный треугольник: 45-летний герой женится на 15-летней дальней родственнице, предоставляя ей полную свободу в выражении чувств; через некоторое время девушка влюбляется в смелого молодого грека, ее муж одобряет этот выбор; влюбленные уезжают за границу. Герой продолжает страстно любить свою молоденькую жену, и она испытывает глубокую благодарность к мужу, страдая из-за того, что причиняет ему боль, но справиться со своим чувством к молодому возлюбленному не в силах, превращаясь по его воле в покорное существо, безропотно сносящее обиды и унижения. Писатель наделил своих героев чистосердечием, прямодушием и предоставил им возможность непосредственного самовыражения, используя повествование от первого лица в дневниковых записях и письмах, из которых состоит произведение. Максимальная искренность – это, пожалуй, и есть то главное, что связывает повесть с исповедью. Кроме того, Леонтьев показал в повести неожиданные повороты и нюансы любовного чувства. Так, в письме к своему мужу героиня признавалась, что „готова была сносить ...бешенство” своего возлюбленного, вплоть до диких побоев „головой об стену”, пока он „любил душою” ее одну. Ей было больно, но она „не плакала и молча терпела и ... целовала не только руки, ноги его целовала”, ей было даже „хорошо”, „приятно”, поскольку „он был как безумный от любви” (2, с. 392). Но, когда он начал ей изменять с француженкой-циркачкой, терпение закончилось, и она приняла решение вернуться к мужу. Концовка трагична: персонажи погибли (молодые герои попали в шторм, их корабль затонул, а муж Лизы, узнав об их гибели, застрелился). Развязка может быть интерпретирована как утверждение авторской мысли о том, что герои не могли жить вместе, но не могли жить и друг без друга²⁰.

²⁰ По прошествии времени, в 1882 г., Леонтьев, руководствуясь строгим религиозным византийско-аскетическим идеалом, оценил повесть необычайно сурово: „в высшей степени безнравственное, чувственное, языческое, дьявольское сочинение, тонко-развратное”; он просил не печатать повесть без необходимых изменений, видя в существующей версии „грех! И грех великий!” (6, 2, 18). Подробную характеристику произведению дал в монографии Александр Корольков, посвятив ему специальную главу *Тонко-развратное сочинение Константина Леонтьева и эволюция нравственности*, где сделал попытку объяснить причины строгой оценки повести ее создателем, а также отметил некое сходство между главным героем повести и его автором. См.: А.А. Корольков, *Пророчества Константина Леонтьева*, с. 83–91; с. 110. Элемент автобиографичности в образе героя-повествователя, может быть, и проявляется в повести в том, что он наделен в некоторой степени авторским комплексом переживаний, но в целом это персонаж художественный.

Повесть была опубликована, как отмечалось, в „Отечественных записках” в 1867 г. Но еще до публикации Леонтьев перевел ее на французский язык и отослал одному из замечательных писателей Франции – Просперу Мериме (1803–1870). Об этом факте, как и об интенциях, целях, которые он преследовал, сам Леонтьев нигде не упоминает. Сыграли ли какую-то роль в этом обращении к французскому новеллисту проблемно-тематические переключки²¹ или ревностное отношение к давней дружбе Мериме с Тургеневым, не известно. К настоящему моменту не обнаружен полный текст первого письма автора *Исповеди* к знаменитому французу, есть лишь ответное письмо Мериме к Леонтьеву и последующее письмо русского автора. Французский писатель отнесся весьма скептически к проблематике *Исповеди*, довольно резко упрекнул ее автора в „погрешностях” против „правдоподобия” в обрисовке характеров, не принял авторского пафоса. Приведу соответствующую часть письма Мериме:

Я хочу беседовать с Вами по поводу самой темы, которую Вы избрали, поэтому благоволите извинить мои критические замечания. Они докажут Вам возникшее во мне уважение к автору. Парадокс имеет некоторую долю привлекательности, но его следует остерегаться. На мгновение он забавляет читателя, но быстро утомляет. Кроме того, я нахожу в нем значительное неудобство для романа или драмы – именно его погрешности относительно правдоподобия. Вы мне, конечно, скажете, что на свете есть много снисходительных супругов. Я этого и не отрицаю, но они имеют на то свои основания: корысть, надоевших жен, боязнь показаться смешным и т.п. Выведенный же Вами муж, как мне кажется, не имеет иного побуждения, кроме влечения к состоянию рогагоносца, и я его не понимаю. Возможно, встречаются еще более необыкновенные вкусы, но когда в романе выведен подобного рода характер, автор обязан разъяснить его и сделать правдоподобным. Вы, может быть, встречали мужа, благосклонно относившегося к любовным похождениям своей жены, ничего этим не выигрывая, но разве Вы узнали тайную причину его поведения? Узнали его сокровенные мысли? Ни муж, ни жена не заинтересовывают, это две загадки, разрешить которые не возникает желания²².

²¹ См., например, известную повесть Проспера Мериме *Двойная ошибка* (1833), где в центре внимания автора молодая дама, которую выдали замуж по расчету за человека ей чуждого, через некоторое время она встречает утонченного дипломата, с которым некогда была знакома, ее чувства разгораются, она становится любовницей этого человека. Когда же оказалось, что со стороны любовника это элементарная интрижка, женщина в отчаянии погибает.

²² К.Н. Леонтьев: *Избранные письма*, там же (16.09.2016).

Как известно, французский писатель тяготел к лаконизму в творчестве. Будучи новеллистом, он ценил в произведении тщательно продуманную композицию, мотивированность в развитии сюжета, сжатость характеристик и описаний, жизненность персонажей. Всего этого в совокупности в повести Леонтьева нет. Хотя, например, Иваск, прекрасно знавший творчество писателя в целом, считал, что „по четкости композиции, по напряженности действия *Исповедь мужа* – наиболее совершенное художественное произведение Леонтьева”²³, но в то же время признавал, что, „«лица» Леонтьева часто безжизненны, хотя и красочны”, а произведения „неотделаны”²⁴. Конечно, Мериме не мог знать тонкостей персонального творчества Леонтьева. Он ориентировался на совсем иные образцы. В качестве высшего признавал в русской литературе прозу Пушкина с ее точностью, краткостью, интеллектуальной напряженностью. Мериме не принимал новейшего, так называемого „социального реализма”, погруженного в низкую обыденность и культивировавшего множество „самых мелких подробностей”. Отсюда, вероятно, его настороженность и намеренно-брутальный дидактизм:

В Вашей повести есть подробности, которые указывают на привычку к наблюдению и талант описания. Мне кажется, подобного рода таланты в России очень ценятся, так как за исключением Пушкина все ваши авторы любят пускаться в самые мелкие подробности. Многие из них достигли в этом совершенства. Я несколько побаиваюсь, уже не принадлежите ли Вы к школе реалистов, имевшей у нас одно время успех. Что касается меня, я думаю, что цель искусства – выбирать в природе то, что в ней есть прекрасного и любопытного, и не обращать внимания на все низкое, которое встречается в ней. Можно нарисовать зеленый луг, не добавляя туда коровьего навоза²⁵.

Самолюбивый Леонтьев, пытаясь „сохранить лицо”, отвечал с достоинством на „грубую откровенность” своего зарубежного корреспондента. В ответном письме (апрель–май 1867 г.) он настаивал, с одной стороны, на значимости своих идей, а с другой – декларировал свою ненависть к реализму:

Вы называете свою критику едкой. Может быть, она и такова, но так как на свете нет такой критики, которая могла бы меня заставить усомниться (хотя бы на мгновение) в истинности и своевременности идей, которые я предполагаю развивать в своих произведениях, то грубая откровенность Вашей оценки

²³ Ю.П. Иваск: *К.Н. Леонтьев. Жизнь и творчество*, с. 327.

²⁴ Там же.

²⁵ К.Н. Леонтьев: *Избранные письма*, там же (16.09.2016).

мне очень понравилась. Я люблю откровенность (даже когда она мне кажется ошибочной). Вы говорите также, что Вы боитесь, как бы я не был реалистом. Да, милостивый государь, я этого боюсь еще больше, чем Вы, – в отношении привычных форм. Я ненавижу реализм; но, к несчастью, я вырос на его лоне и, несмотря на все мое отвращение к нему, я все же до сей поры не могу от него отделаться.

Это же отвращение к реализму было причиной тому, что я был немного неприятно поражен выражениями «коровий навоз», «состояние рогоносца», встретившимися в Вашем письме. До сего времени я полагал, что последнее из поименованных выражений могло иметь применение только в водевилях и тому подобном, но никак не для **высокого обожествления плотской любви** (выделено мной – Л.Л.). Я говорю высокое, конечно, как тенденция, а не как выполнение (этим последним я никогда не доволен, в чем Вы можете мне верить)²⁶.

Здесь в авторской формуле выражен пафос повести: „высокое обожествление плотской любви”; именно с ним, судя по всему, Леонтьев связывает „истинность и своевременность идей”, которые он намеревается „развивать в своих произведениях”. Ничего более конкретного ни о характере, ни о форме воплощения своей доминирующей идеи русский автор не пишет. Зато просит Мериме об оценке романа *В своем краю*, хотя сам ставит его ниже *Исповеди*:

С нетерпением буду ожидать Вашей оценки моего другого романа. Возможно, что, так как наши оценки столь расходятся между собой, этот роман Вам более понравится, чем *Исповедь*. Что касается меня, то я его нахожу значительно ниже этой последней. Он не возвышается в своих принципах над этой пережеванной вещью, так [нрзб.] определяемой, как мораль XIX века.

Ежели я ошибся в своих ожиданиях с точки зрения чисто литературной, я считаю себя вполне вознагражденным любезной точностью Вашего ответа. Я далеко не разделяю большей части из Ваших оценок, но так как я не сомневаюсь, что будущее за мной, то я просмотрел Вашу критику с некоторым любопытством, смешанным с удивлением. Ожидаю с нетерпением Вашего отзыва об моем другом романе²⁷.

Мериме, не отвечая, назойливому и амбициозному, как могло показаться, русскому автору, в свою очередь счел необходимым познакомиться с перепи-ской Тургенева, с которым дружил много лет, переводил его произведения,

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

писал к ним предисловия, высоко ценил обруганный в России *Дым*. Дважды в 1867 г. Мериме писал Тургеневу о Леонтьеве:

Некий г-н Леонтьев, приславший мне роман *В своем краю*, а также *Исповедь мужа* (все это пришло из Адрианополя). Последний роман сопровождается двумя так называемыми французскими переводами. Герой – некий г-н, который живет в Крыму, женат и украшен рогами. Он весьма огорчен, когда его жена бежит с любовником. Мне это непонятно. Автор пишет, что знаком с вами, и вы покровительствовали ему в начале тернистого пути. Я вполне откровенно ответил ему, что не симпатизирую роконосцам, даже добровольным (письмо от 7 мая 1867 г.).

Г-н Леонтьев, о котором, кажется, я вам писал, пишет мне из Адрианополя и благодарит за критику, хотя и не принимает ее, ибо говорит, что «будущее за ним». Его неколебимая уверенность в собственных талантах показалась мне чисто французской. Он вышел из школы Саламбо (письмо от 16 июля 1867 г.)²⁸.

Иронический намек на Флобера многозначителен. Возможно, эстетические чувства аристократа Мериме восставали против описаний тех *физиологических* состояний любви, которые присутствовали в знаменитом романе его соотечественника. Что касается фактов переписки Леонтьева с Мериме и „едкой критики“ французского писателя повести, то Леонтьев, естественно, их не афишировал.

В заключение отмечу, что амбициозному Леонтьеву удалось в автобиографических текстах создать о себе легенду как о писателе уникального дарования, чей талант в самом начале творческого пути был замечен авторитетными современниками, но различные несчастливые обстоятельства и „вины“ самого автора не позволили ему реализоваться в полной мере. До настоящего времени биографы Леонтьева, как правило, придерживаются того пути осмысления личности и творчества писателя, который наметил и утвердил он сам.

²⁸ Цит по: К.Н. Леонтьев, *Избранные письма*, там же. Оригинал: Prosper Mérimée, *Correspondance générale*. Toulouse 1959, pp. 500, 549, http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0700.shtml (16.09.2016).